

БОЛЬШОЕ ОБЩЕСТВО ПРОПАГАНДЫ 1871—1874 гг. (так называемые «чайковцы»)

H. A. ТРОИЦКИЙ

Ведущую роль в русском революционном движении первой половины 1870-х годов играло общество народников, известное в истории под названием «Кружок чайковцев».

Нелегальные группы этого общества с 1871 по 1874 г. были организующими центрами активной революционно-пропагандистской деятельности среди интеллигенции, рабочего класса и крестьянства на большей части Европейской России от Петербурга до Самары и от Вятки до Херсона. Не имея равных себе среди многочисленных революционных кружков первой половины 70-х годов по размаху и результатам своей практической деятельности, общество так называемых «чайковцев» внесло заметный вклад и в формирование идеологии революционного народничества, о чем свидетельствует его обстоятельная программа.

В составе общества объединились многие представители той «блестящей плеяды революционеров 70-х годов», которую В. И. Ленин относил к предшественникам русской социал-демократии¹ — А. И. Желябов, С. Л. Перовская, С. М. Кравчинский (Степняк), Н. А. Морозов, М. А. Натансон, Д. А. Клеменц и др.

Идейная эволюция общества и его многообразная практическая деятельность отражены в богатом фонде источников. Среди них особенно ценные программные документы общества, составленные П. А. Кропоткиным², опубликованные воспоминания чайковцев³, рукописный очерк истории общества, хранящийся в бумагах С. М. Кравчинского⁴, автобиографические рукописи В. Ф. Костюрина и Н. В. Чайковского⁵, материалы дознания и следствия по процессу 193-х, иллюстрирующие пропаганду среди рабочих⁶, и документы о так называемом «книжном деле» чайковцев из архива Главного управления по делам печати царской России⁷.

К сожалению, до сих пор история организации чайковцев не стала предметом специального исследования. Историческая литература об

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25, подчеркнуто мной.—H. T.

² См. «Былое», 1922, № 17; ЦГИАМ, ф. III отд., З экспед., 1874, д. 144, ч. 15.

³ С конца XIX в. и до последнего времени изданы только отдельными книгами воспоминания: П. Б. Аксельрода, А. И. Иванчина-Писарева, А. И. Корниловской (Мороз), С. М. Кравчинского (Степняка), П. А. Кропоткина, Н. Левенталя, Н. А. Морозова, В. Л. Перовского, С. С. Синегуба, Л. А. Тихомирова, М. Ф. Фроленко, Н. А. Чарушкина, С. Л. Чудновского и Л. Э. Шишко.

⁴ См. ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 528.

⁵ См. ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 335 и 408.

⁶ См. ЦГИАМ, ф. ОППС, д. 207—211, 213—215, 317 и др.

⁷ См. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. 41, 43, 87, 92 и др.

организации сводится к статье Ш. М. Левина 33-летней давности⁸ и к более или менее значительным разделам, которые отведены чайковцам в общих курсах и исследованиях на смежные темы. Как правило, подобные курсы и исследования содержат краткую сводку общеизвестного материала о чайковцах и только в некоторых из них (работы Ш. М. Левина⁹, Б. П. Козьмина¹⁰, Э. А. Корольчук¹¹) специально, с привлечением новых данных, освещены отдельные вопросы истории организации.

Настоящая статья не претендует на систематическое изложение истории общества. Мы попытаемся, не останавливаясь на деталях практической деятельности «чайковцев», рассмотреть важнейшие этапы развития общества и его идеально-организационные основы, а также определить место, занятое им в русском освободительном движении.

* * *

Революционная деятельность чайковцев целиком относится к периоду непосредственной подготовки и начала хождения в народ, которое В. И. Ленин называл «расцветом действенного народничества»¹².

Следовательно, они формировались как революционеры в типично народнической атмосфере.

Тягчайший экономический гнет и беспросветная политическая реакция как характерное выражение русской действительности второй половины 60-х годов; русская демократическая литература, представленная Чернышевским и Герценом, Писаревым и Флеровским, Пушкиным и Некрасовым, Гоголем и Тургеневым; русские революционные традиции, в особенностях революционеров 60-х годов и, в первую очередь, Чернышевского, которого чайковцы считали своим «преимущественным учителем жизни»¹³ — вот главные двигатели формирования революционного мировоззрения чайковцев. Заметно влиял в этом отношении и Запад: передовая западная литература (К. Маркс и А. Сен-Симон, Ф. Лассаль и Л. Блан, В. Гюго и Д. Байрон), деятельность I Интернационала и, особенно, Парижская коммуна, которая, по словам С. М. Кравчинского, сыграла роль искры, превратившей «революционное брожение» в России во «всеобщий взрыв»¹⁴. Наконец, известную роль в развитии революционного сознания чайковцев сыграло взаимодействие различных влияний со стороны русской политической эмиграции — П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина и русской секции I Интернационала.

Организационные основы общества складывались под впечатлением деятельности С. Г. Нечаева, строившего свою организацию на основе диктаторского режима, насилия и обмана. Группа противников нечаявщины, которые решили создавать революционную организацию «по типу совершенно противоположному нечаяевской», и составила ядро общества¹⁵.

⁸ Ш. М. Левин. Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х гг. «Каторга и ссылка», кн. 61, 1929.

⁹ Ш. М. Левин. Дмитрий Александрович Клеменц, М., 1929; Его же. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в., М., 1958; См. также написанные Ш. М. Левиным главы об общественном движении 60—70-х годов в IV т. «Истории Москвы» (1954) и во II т. «Очерки истории Ленинграда» (1957) и введение к IX т. «Истории русской литературы» (1956).

¹⁰ Б. П. Козьмин. С. Г. Нечаев и его противники (в сб. Революционное движение 1860-х гг., М., 1932); Его же. От 19 февраля к 1 марта. Очерки по истории народничества, М., 1933; Его же. Русская секция I Интернационала, М., 1957.

¹¹ Э. А. Корольчук. Северный союз русских рабочих и революционное движение 70-х гг. XIX в. в Петербурге, Л., 1946.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 304.

¹³ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, ч. 1—2, М., 1926, стр. 47.

¹⁴ С. М. Кравчинский (Степняк). Соч., т. 1, М., 1958, стр. 376.

¹⁵ Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 85; Ср. П. А. Кропоткин. Записки революционера, М., 1924, стр. 226.

Новая организация выделялась прежде всего своим составом. В оценке современников она представляла собой средоточие «самого талантливого, честного и умного», что только было в революционной молодежи 70-х годов, ее авангард и цвет¹⁶. С. М. Кравчинский называл их «людьми с сердцами из золота и стали», которые «во всякой другой стране были бы гордостью, украшением нации»¹⁷. Выдающийся состав организации в значительной степени обеспечил жизненность ее не весьма практичной, но единственной в своем роде в русском революционном движении внутренней структуры.

Членов центрального, петербургского кружка чайковцев связывала, помимо единства цели и дела, необыкновенная личная близость: «в кружке все были братья». Все знали друг друга, как члены одной и той же семьи, если не больше, и никто не хотел скрывать от других ни одного своего шага не только в общественной, но даже и в частной жизни»¹⁸. Отсюда проистекал своеобразный демократизм организационной структуры кружка. Личная близость кружковцев придавала сложившейся здесь атмосфере делового сотрудничества неофициальный, полусемейный характер¹⁹. Ни устава, ни какой-либо иной регламентации действий членов кружка не было; каждый свободно располагал собою и в соответствии с общим направлением деятельности организации самостоятельно изыскивал конкретные дела, отдавая им столько времени, «сколько он мог или сколько требовало само дело»²⁰. Отдельные кружковцы выполняли постоянные или временные поручения организации, но их ответственность за порученные им мероприятия и участки работы оказывалась чисто моральной.

Оригинально был решен вопрос о лидерстве. Обычные в каждой организации места лидеров оставались здесь незанятыми, и никто на них не претендовал. Члены кружка, по их словам, терпеть не могли «повелительного наклонения» и, чтобы не допустить в своей среде «ни малейшего пополнования генеральства», они упразднили даже председательство на собраниях²¹. Среди них не было, по выражению А. В. Низовкина, «ни главнейших, ни последних, ни больших, ни меньших», а все были «равнозначащими»²²; их лидер — это кружок в целом, каждый же член в отдельности был рядовым.

Характеризуя организационную сторону народнического движения первой половины 70-х годов, видный революционер-народник С. Ф. Ковалик отмечал, что после нечаевщины революционные деятели «более всего боялись генеральства вождей кружков», а вместе с генеральством «также и дисциплины», и стремились поэтому к организационной анархии, «к полной индивидуальной самостоятельности»²³.

¹⁶ А. П. Прибылева и В. Н. Фигнер. Народоволец А. Д. Михайлов Л., 1925, стр. 99; «Голос минувшего», 1914, № 2, стр. 297 (отзыв И. И. Попова); ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 393, л. 22 (отзыв О. В. Аптекмана).

В кружках чайковцев впервые проявилось активное участие женщин — до того совершенно исключительное, но с тех пор обычное явление в русском революционном движении. В одном только петербургском кружке было 12 замечательных женщин (С. Л. Перовская, О. А. Натаансон, В. Н. Батюшкова, А. Я. Ободовская, А. Д. Чарушина, Л. В. Синегуб, А. И., В. И. и Л. И. Корниловы, Н. В. Купреянова, А. В. Охременко, А. М. Эпштейн), из которых, по утверждению Кропоткина, «ни одна не отступила перед смертью на эшафоте» (П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 235).

¹⁷ С. М. Кравчинский. Указ. соч., стр. 440.

¹⁸ Там же, стр. 439—440.

¹⁹ Подробно об этом см. там же. Ср. Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 85—86; П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 227, 240; А. И. Корнилов — Мороз. Перовская и кружок чайковцев, М., 1929, стр. 49—50. Показательно, что за период деятельности кружка в нем возникло семь супружеских пар.

²⁰ Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 86.

²¹ Там же, стр. 83; П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 240.

²² ЦГИАМ, ф. ОППС, ф. 215, л. 24.

²³ С. Ф. Ковалик. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928, стр. 19 и 61.

Однако анархизм внутренней структуры петербургской группы по существу своему носил иной характер, чем, например, организационный анархизм кружков С. Ф. Ковалика, Л. С. Гинзбурга или так называемой «Киевской коммуны». Идейное родство, высокий нравственный уровень и личная близость чайковцев обеспечивали столь доверительные и требовательные взаимоотношения, что каждый из них не только не злоупотреблял предоставленной ему «индивидуальной самостоятельностью», но, напротив, всякий раз, когда этого требовали интересы организации, добровольно брался за самое трудное и ответственное дело. В случае разногласий по любому вопросу незыблемым законом для всех членов организации было мнение большинства²⁴. Некоторые весьма видные чайковцы (В. М. Александров, С. Л. Клячко, Ф. Н. Лермонтов), пытавшиеся противопоставить себя большинству, были удалены из организации. Таким образом, выдающийся состав петербургской группы и сложившиеся в ней особые членские взаимоотношения сделали возможным наличие в группе в обстановке полуанархистского демократизма относительно прочной дисциплины.

На тех же организационных основах строились и провинциальные кружки — московский, киевский, одесско-херсонский. Все эти кружки не только в идейном, но и в организационном отношении составляли вместе с петербургским кружком единое федеративное общество²⁵.

Отношения между кружками развивались по типу отношений между их членами. Все кружки были автономны и могли, сообразуясь с местными условиями, принимать любые решения, но каждый из них обязан был систематически отчитываться в своей деятельности перед другими кружками. Прием в тот или иной кружок новых членов был делом всего общества и оформлялся лишь с согласия всех кружков. Точно так же при решении принципиальных деловых вопросов не только внутри каждого кружка, но и в обществе в целом чайковцы считали обязательным единогласие всех членов организации. Общность кассы и право перехода членов из одного кружка в другой закрепляли организационное единство и равенство кружков.

Особенностью организационной структуры общества было наличие в нем группы постоянных сотрудников, которые нередко принимали столь же активное участие в жизни кружков, как и члены организации, но удерживались в стороне от кружковых тайн. Фактически сотрудники общества, среди которых были и выдающиеся революционеры (М. Ф. Гравчевский, А. И. Зунделевич, Ю. Н. Богданович, Д. М. Рогачев), представляли собой первых кандидатов в его члены.

Наконец, в различных концах страны (Вильно, Минск, Харьков, Орел, Тула, Казань, Самара, Саратов, Брянск, Пермь и др.) общество имело своих агентов, действовавших по его заданию и в контакте с ним. Некоторые из агентов считались членами общества²⁶.

Все члены, сотрудники и агенты общества в целях подготовки кадров для всероссийской «народно-социалистической партии» активно содейст-

²⁴ См. С. М. Кравчинский. Указ. соч., стр. 439.

²⁵ «Все четыре кружка образовали как бы единую федеративную общероссийскую организацию», — заявлял киевлянин Аксельрод (П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, ч. I, Берлин, 1923, стр. 107, подчеркнуто здесь и далее мной.— Н. Т.). «Наш кружок,— вторил Аксельроду член одесско-херсонского кружка Ланганса,— вступил в федеративные отношения с петербургским и московским кружками, а также и с киевским, составившими вместе одну организацию» («Воспоминания М. В. Ланганса». См. П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., Л., 1925, стр. 192); ср. воспоминания петербуржца Чарушина (Н. А. Чарушкин. Указ соч., стр. 89, 164) и москвича Морозова (Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. 1, М., 1947, стр. 163—164).

²⁶ В Харькове членом-агентом общества был замечательный революционер Д. А. Лизогуб (повешен в августе 1879 г.), изображенный Л. Н. Толстым под именем Светлогуба в рассказе «Божеское и человеческое».

вовали возникновению множества революционных кружков, либо сами организовывали их, как было, например, с кружками воспитанников морского училища, студентов-сибиряков и артиллеристов в Петербурге²⁷, Н. А. Армфельд в Москве²⁸, Л. Ф. Бердникова в Екатеринбурге²⁹, Н. К. Буха в Самаре³⁰, С. Г. Ширяева в Саратове³¹, Г. Г. Божко-Божинского в Чернигове³². К началу 1874 г., по авторитетному свидетельству П. А. Кропоткина, который как раз в то время ведал связями петербургской группы, была создана «сеть кружков и колоний в 40 губерниях» и группа поддерживала с ней «правильную переписку»³³.

Таким образом, можно утверждать, что с точки зрения организации чайковцы сыграли в развитии революционно-народнического движения первой половины 70-х годов выдающуюся роль, подготовив почву для создания первой всероссийской централизованной организации революционеров-семидесятников — общества «Земля и воля».

* * *

Внимательное ознакомление с организационными основами так называемого «кружка чайковцев» подчеркивает крайнюю неуместность его названия. Прежде всего, здесь перед нами не кружок, а широко разветвленное общество — объединение ряда кружков. Можно говорить о петербургском кружке, московском и других, как о составных частях, федеративных единицах этого общества, но понимать под кружком общество в целом — значит упрощать действительный смысл организационной структуры объединения³⁴.

В этой связи необходимо уточнить и датировку возникновения общества. В литературе до сих пор фигурирует в качестве даты возникновения «кружка чайковцев» весна 1869 г., указанная Л. Э. Шишко, который назвал ее со слов Н. В. Чайковского³⁵. Последний же в данном случае выразился неточно (или неточно понял его Шишко). Это легко увидеть, если обратиться к другим указаниям Чайковского³⁶, которые целиком согласуются с заявлениями М. А. Натансона, Н. А. Чарушина и А. И. Корниловой о том, что весной 1869 г. был создан не «кружок чайковцев» (даже в узком смысле, как петербургская группа общества), а кружок М. А. Натансона, явившийся первым, но не единственным ядром

²⁷ См. «Государственные преступления в России в XIX в.», т. 3, Ростов н/Д, 1906, стр. 55 и сл.; ЦГИАМ, ф. III отд., з эксп., 1872, д. 63, ч. 1, лл. 46, 74, 98; там же, секр. архив III отд., оп. 1, д. 544, л. 23.

²⁸ См. Н. А. Морозов. Указ. соч., стр. 170 и сл.

²⁹ См. С. С. Синегуб. Записки чайковца, Л., 1929, стр. 25 и сл.

³⁰ См. Н. К. Буха. Воспоминания, М., 1928, стр. 40—42.

³¹ См. И. И. Майнов. Революционные кружки в Саратове, СПб., 1906, стр. 8.

³² См. ЦГИА УССР, ф. 274, оп. 1, д. 154, л. 28.

³³ П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 244.

³⁴ Впрочем, вкладывая общий смысл в понятие «кружок чайковцев», все историки имеют при этом в виду исключительно петербургский кружок, а провинциальные группы рассматривают лишь как филиалы петербуржцев. Эта терминология перешла в литературу из воспоминаний самих чайковцев, которые так выражали свойственную мемуаристам субъективную дань уважения выдающейся роли петербургского кружка. Между тем, интересующий нас объективный смысл указанных терминов противоречит обстоятельному разъяснению теми же чайковцами организационных принципов и внутренней структуры их общества.

³⁵ См. Л. Э. Шишко. Кравчинский и кружок чайковцев, СПб., 1906, стр. 16. То же у В. И. Невского (Виктор Павлович Обнорский. «Историко-революционный сб.», т. 3, 1926, стр. 10), Э. А. Корольчук (ее «Северный союз русских рабочих», стр. 29), А. М. Панкратовой (сб. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. 2, ч. 1, М., 1950, стр. 60), Б. С. Итенберга (Б. С. Итенберг. Дмитрий Рогачев, революционер-народник, М., 1960, стр. 14) и у других.

³⁶ Ср. «Голос минувшего», 1913, № 6, стр. 249; «Голос минувшего на чужой стороне», 1926, № 3, стр. 180.

петербургской группы чайковцев³⁷. Вторым ядром группы те же источники называют женский кружок С. Л. Перовской, который возник осенью 1869 г. и объединился с кружком Натансона в начале 1871 г.³⁸. Участники этого объединения совместно с некоторыми другими лицами провели лето 1871 г. на Кушелевской даче под Петербургом (Кушелевский кружок) с целью присмотреться друг к другу и приступить к созданию широкой революционной организации из надежных, проверенных людей³⁹. Из Кушелевского же кружка выделился в августе 1871 г., после нового отсева членов, кружок с твердо установленным составом, который и получил в конце того же года название «кружок чайковцев»⁴⁰.

Итак, ни кружок Натансона, ни кружок Перовской, ни Кушелевский кружок — это еще не организация чайковцев как таковая, а только отдельные этапы на пути создания организации. «Я считаю себя вправе утверждать, вопреки общепринятым мнению,— категорически заявляла А. И. Корнилова, член петербургского кружка со дня его основания (ранее участница кружка Перовской и Кушелевского кружка),— что не только в 1869 г., но и зимой 1870—1871 гг. организованного кружка чайковцев как такового еще не существовало»⁴¹. Известные нам факты говорят о том, что петербургский кружок возник лишь в результате слияния кружка Натансона и кружка Перовской с группой избранных лиц из Кушелевского кружка. «Но в таком случае,— заключала Корнилова,— очевидно, что дата существования кружка с 1869 г. не соответствует действительности, так как слияние это произошло лишь в августе 1871 г.»⁴².

Таким образом, правильнее датировать возникновение петербургского кружка чайковцев августом 1871 г. После этого, в течение 1871—1873 гг., создавалось по инициативе петербургских чайковцев их федеративное общество, которое неоправданно и называют до сих пор «кружком чайковцев».

О случайности и неправомерности самого термина «чайковцы» говорят давно, и тем досаднее, что этот термин не теряет гражданства⁴³. Правда, за последнее время участились попытки переименовать чайковцев в «натансоновцев»⁴⁴, однако и это не совсем справедливо. М. А. Натансон играл выдающуюся роль в создании петербургской группы, но нельзя забывать, что через три месяца после ее оформления, в ноябре 1871 г., он был арестован и сослан, в связи с чем не мог участвовать в дальнейшей трехлетней деятельности чайковцев и не имел никакого отношения к формированию их общества. Больше того, в ссылке (до 1875 г.) Натансон относился к развитию деятельности чайковцев «весь-

³⁷ Ср. «Революционное движение 1860-х гг.», М., 1932, стр. 182; Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 86; А. И. Корнилова. Указ. соч., стр. 21.

³⁸ См. Н. В. Чайковский. Через полстолетия. Открытое письмо друзьям. «Голос минувшего на чужой стороне», 1926, № 3, стр. 180.

³⁹ См. Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 87.

⁴⁰ См. Н. В. Чайковский. Указ. соч., стр. 182.

⁴¹ ЦГАЛИ, ф. 1642, д. 51, л. 7.

⁴² «Каторга и ссылка», кн. 1, 1926, стр. 23, подчеркнуто мной.— Н. Т.

⁴³ См. Б. С. Итенберг. Указ. соч., стр. 15; И. Е. Матвеева. Вера Фигнер, М., 1961, стр. 34; В. А. Егоров. Обнорский Виктор Павлович. Вологда, 1962, стр. 8. Н. В. Чайковский сам признавал, что он не был лидером чайковцев: «кружок начинает называться „кружком чайковцев“ отнюдь не вследствие моего лидерства, а главным образом по деловым сношениям с книгопродавцами и издателями, для которых у меня имелись некоторые практические навыки» (Н. В. Чайковский. Указ. соч., стр. 182). Накануне «хождения в народ» Чайковский порвал с чайковцами и уехал в Америку. В дальнейшем он эсер, злейший враг Советской власти, белоэмигрант (умер в Париже в 1926 г.).

⁴⁴ См. Т. С. Рязанцев. Революционное народничество в русском освободительном движении. «УЗ Коми пед. ин-та», вып. 7, 1959, стр. 8; Р. В. Филиппов. Первый этап «хождения в народ» (1873—1874), Петрозаводск, 1960, стр. 9. Как «кружок Натансона» организация чайковцев фигурирует и в новом учебнике по истории СССР для вузов («История СССР», т. 2, 1861—1917. Период капитализма, под ред. А. Л. Сидорова, М., 1959, стр. 125).

ма скептически⁴⁵ и постепенно терял былой авторитет среди них. Излагавшиеся им в письмах из ссылки соображения о необходимости длительной теоретической самоподготовки революционеров⁴⁶, которые уже в то время (начало 1872 г.) переходили к практической работе в массах, звучали для них как «голос схимника, давно удалившегося от жизни»⁴⁷. В результате развитие общества шло, по утверждению самих его членов, не только «совершенно независимо от влияния Натаансона», но и «вопреки его письменным увещаниям»⁴⁸.

Вообще присвоение организации, которая безусловно, даже сверх меры, исключала всякую видимость «генеральства» в своих рядах, имени одного из ее членов противоречит основам основ ее внутренней жизни. К тому же состав организации отличался не только абсолютной формальной равнозначимостью всех ее членов, но и столь редким подбором очень крупных деятелей, что из них невозможно и фактически выделить, не говоря уж о ком-нибудь одном, даже двух-трех особенно выдающихся⁴⁹.

Уместнее всего называть это общество так, как называл его в воспоминаниях Н. А. Морозов, один из его членов, Большим обществом пропаганды⁵⁰, а самих чайковцев — «пропагандистами». Такое название соответствует характеру и содержанию деятельности этой революционной организации, которая на всех этапах развития общества и среди различных слоев населения сводилась именно к революционной пропаганде. Особо следует подчеркнуть, что это название менее условно, чем всякое другое, поскольку оно пущено в обиход не исследователем, а участником той организации, к которой оно относится.

* * *

В вопросе об идеологических основах Большого общества пропаганды царит поразительное разноречие: одни исследователи утверждали, что «пропагандисты» суть убежденные бакунисты⁵¹, другие сочли их лавристами⁵², а трети полагают, что они занимали некую «промежуточную позицию между лавризмом и бакунизмом»⁵³. Однако внимательный анализ источников доказывает, что ни одна из перечисленных точек зрения в той или иной степени не отвечает действительности.

Мировоззрение «пропагандистов» складывалось в переходную эпоху от феодализма к капитализму в России. Совершившийся на их глазах

⁴⁵ Рукописный очерк истории организации чайковцев. ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 528, л. 38, подчеркнуто мной.—Н. Т.

⁴⁶ См. В. К. Путилов. Новые материалы о народничестве. «УЗ ЛГУ», серия историч. наук, вып. 5, 1939, стр. 175—175.

⁴⁷ А. И. Корнилова. Указ. соч., стр. 45.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Поэтому нельзя признать удачным условное название, под которым общество рекомендуется в работах Ш. М. Левина: «Группа Первовской, Чарушкина, Кропоткина и др.» (см. «История Москвы», т. IV, стр. 348; «Очерки истории Ленинграда», т. 2, стр. 305) или «группа Кравчинского—Кропоткина—Перовской» (см. «История русской литературы», т. IX, ч. 1, стр. 25; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е гг. XIX в., стр. 368).

⁵⁰ См. Н. А. Морозов. Указ. соч., т. 3, стр. 275—278; т. 2, стр. 343, 430, 497, 499; «Архив “Земли и воли” и “Народной воли”», М., 1932, стр. 32.

⁵¹ Ср. В. Я. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов, М., 1912, стр. 166—167; В. И. Невский. Указ. соч. «Историко-революционный сб.», т. 3, 1926, стр. 15; Э. А. Корольчук. Указ. соч., стр. 33—34.

⁵² Ср. «Народническая экономическая литература. Избр. произведения», под ред. Н. К. Карапаева, М., 1958, стр. 655; «Очерки истории СССР, 1861—1904», под ред. С. С. Дмитриева, М., 1960, стр. 175.

⁵³ Ср. В. О. Левицкий (Цедербаум). Партия «Народная воля», М.—Л., 1928, стр. 31; «История СССР, т. 2, Россия в XIX в.», под ред. М. В. Нечкиной, М., 1954, стр. 586; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в., стр. 362, 363.

социально-экономический переворот заставлял задумываться о судьбах отечества и усиливал их внимание к Западу, где подобный переворот уже произошел. С другой стороны, политическое бесправие и отсутствие революционной ситуации в России второй половины 60-х годов, когда на Западе в условиях буржуазных политических свобод ширилось революционное рабочее движение, как будто подтверждали тезис об исключительности судеб России и, в частности, русского освободительного движения. Все это толкало «пропагандистов» к переоценке старого русского революционно-теоретического наследия, которое сложилось в докапиталистическую эпоху и уже не обеспечивало должным образом правильную ориентировку в новых условиях.

Рубеж 60—70-х годов явился, таким образом, в развитии русского революционного движения одним из тех переломных моментов, когда одна разновидность идеологии сменяется другой ее разновидностью, и возникают, по справедливому замечанию Б. П. Козьмина, «организации переходного типа, совмещающие, в известной мере, старые идеи с новыми»⁵⁴. Образцом организации переходного типа, сочетавшей идеи революционного демократизма Чернышевского с народническими, было Большое общество пропаганды, которое возникло как раз на грани 60—70-х годов.

На заре жизни общества его участники были еще далеки от того отрицания политической борьбы, которое стало присуще им впоследствии, и придерживались политической программы 60-х годов. В программном документе кружка Натансона (начало 1871 г.)⁵⁵ объявлялась война абсолютной монархии во имя торжества «федеративной республики»⁵⁶. Под этим углом зрения в первый период деятельности общества «пропагандисты» неоднократно обсуждали вопросы политической борьбы с царизмом⁵⁷.

Вслед за Чернышевским «пропагандисты» всегда признавали и решавшую роль народных масс в истории, однако в поисках наиболее эффективных путей мобилизации масс они одобрительно восприняли идею Лаврова о «критически мыслящих личностях» как творцах общественного развития⁵⁸. Эта противоречивая концепция обусловила тактическую линию общества на первом этапе его деятельности (примерно до весны 1872 г.). Считая, что грядущая революция в России будет делом народных масс, и вместе с тем признавая, что революционная мобилизация масс должна быть осуществлена «истинно-народной» по характеру, но интеллигентской по составу партией⁵⁹, «пропагандисты» сосредоточили свою первоначальную деятельность в интеллигентских кругах.

Так возникло знаменитое «книжное дело» Большого общества пропаганды — издание и распространение среди интеллигенции (преимущественно среди учащейся молодежи) демократической и социалистической литературы. В первую очередь «пропагандисты» издали за границей и начали распространять по России собрание сочинений Чернышевского⁶⁰. Кроме того, обществом распространялись сочинения Радищева,

⁵⁴ Б. П. Козьмин. Русская секция I Интернационала, стр. 397—398.

⁵⁵ Т. н. «Программа для кружков самосознания и практической деятельности», впервые опубликованная в 1930 г., до последнего времени приписывалась кружку А. С. Пругавина (см. Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 232; П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России во второй половине XIX в., М., 1958, стр. 72). О составлении ее в кружке Натансона см. наше сообщение «О первой программе революционного народничества 1870-х годов». («Вопросы истории», 1961, № 6, стр. 208—210).

⁵⁶ «Каторга и ссылка», кн. 67, 1930, стр. 97.

⁵⁷ Ср. Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 171; П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 228.

⁵⁸ Об этом заявлено в программном документе кружка Натансона («Каторга и ссылка», кн. 67, 1930, стр. 96).

⁵⁹ Ср. Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 171; Л. Э. Шишко. Указ. соч., стр. 18.

⁶⁰ См. ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 528, л. 19.

Герцена, Добролюбова, Писарева, Флеровского, а из иностранной литературы — произведения К. Маркса⁶¹, Ф. Лассала, «Парижские письма» Л. Берне, «История французской революции» Ф. Минье, «История Великой французской революции» и «История революции 1848 г.» Л. Бланна, «История революции 18 марта» П. Ланжоле и П. Корье и др.⁶². Видное место в пропагандистском фонде общества занимали издания I Интернационала и его Русской секции⁶³.

Столь многообразный выбор литературы объяснялся расчетом «пропагандистов» лишь на революционизирование молодежи, но отнюдь не на теоретическое руководство движением. Последнее же, как они полагали, должен был обеспечить свободный заграничный орган печати во главе с кем-нибудь из властителей дум молодого поколения. Петербургский кружок «пропагандистов» пытался создать такой орган чуть ли не с первого дня своего существования, но не находил подходящей кандидатуры для руководства органом: первый кандидат — Н. Г. Чернышевский — был в ссылке, с менее желательными, но приемлемыми кандидатами — Н. К. Михайловским и В. В. Берви-Флеровским — не удалось договориться⁶⁴. Наконец, весной 1872 г. «пропагандисты» согласились с предложением группы эмигрантов об издании журнала во главе с П. Л. Лавровым⁶⁵, хотя кандидатура Лаврова, который, по их убеждению, был «кабинетным ученым» и «не знал надлежащим образом русской жизни», не вполне устраивала их⁶⁶.

Деятельность общества среди интеллигенции преследовала лишь промежуточную задачу создания революционных кадров для последующей деятельности «в народе». Непосредственная работа в массах и в тот период рассматривалась обществом как основная задача, она только откладывалась на будущее, пока не подготовлены кадры пропагандистов и организаторов народа. Стремление перенести центр тяжести пропаганды в народную среду обнаружилось в обществе уже весной 1872 г., когда большинство петербургского кружка выступило за немедленный переход к пропаганде среди рабочих⁶⁷.

Здесь, безусловно, сказалось стачечное движение. В 1870—1871 гг., еще до знаменитой Кренгольмской стачки, одним из руководителей

⁶¹ Марксизм как научную систему «пропагандисты», подобно прочим народникам, считали неприменимым к русской действительности, но они ценили и использовали сочинения Маркса как могучее оружие революционной и социалистической пропаганды. С первым томом «Капитала» большинство петербургских «пропагандистов» ознакомилось летом 1871 г. по реферату, сделанному для них М. А. Наташином с оригинала (см. Н. В. Чайковский. Указ. соч., стр. 181). Русский перевод 1 т. «Капитала» вышел лишь в марте 1872 г. В декабре 1871 г. «пропагандисты» первыми опубликовали на русском языке в переводе С. Л. Клячко, книгу Маркса «Гражданская война во Франции» (см. Н. А. Троицкий. Об авторе первого русского перевода «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. «Новая и новейшая история», 1962, № 1, стр. 196). При обысках «Капитала» и «Гражданскую войну» нашли у «пропагандистов» С. В. Зубка-Мокиевского в Петербурге (см. ЦГИАЛ, ф. ОППС, д. 209, л. 69), А. И. Каминер в Киеве (там же, д. 334, л. 192 об.), Е. М. Овчинникова в Казани (там же, д. 367, л. 108), А. И. Иванчина-Писарева под Москвой (ЦГИАЛ, ф. Канцелярии МВД, оп. 1, д. 334, л. 48 об.), И. Ф. Ращевского в Саратове (см. ГАСО, ф. СГЖУ, 1874, д. 14, т. 3, л. 951) и др.

⁶² Ср. Л. Э. Шишко. Указ. соч., стр. 18; ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 528, лл. 31—32; ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. 41, 43, 92, 125.

⁶³ Ср. С. С. Синегуб. Указ. соч., стр. 24; Б. П. Козьмин. Русская секция I Интернационала, стр. 297; ЦГИАМ, ф. ОППС, д. 231, л. 4 об.; д. 367, л. 108.

⁶⁴ См. Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 92, 171.

⁶⁵ Мнение о том, что «пропагандисты» будто бы предложили Лаврову издание журнала (см. Э. А. Корольчук. Указ. соч., стр. 65; «Народническая экономическая литература», стр. 26) ошибочно. Из письма одного из организаторов журнала «Вперед» В. Н. Смирнова «пропагандистам» явствует, что предложение об издании журнала сделали Лаврову в марте 1872 г. супруги А. А. и С. Н. Криль и П. Ф. Байдаковский. (см. ЦГИАМ, ф. III, отд. 3 эксп., 1872, д. 71, ч. 1, лл. 37—37 об.).

⁶⁶ См. Б. П. Козьмин. От 19 февраля к 1 марта, стр. 117 (заявление Н. А. Чарушина).

⁶⁷ См. ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 528, л. 37.

которой был В. А. Прейсман — близкий сотрудник «пропагандистов» в Петербурге и губернии уже имел место ряд стачек (особенно крупная — на Невской бумагопрядильне 22 мая 1870 г., а также стачки рабочих кронштадтских доков в июне 1870 г., строителей в Соляном городке в июле 1871 г., каменщиков в августе 1871 г. и др.)⁶⁸. Петербургские стачки 1870—1871 гг., о которых «пропагандисты» знали (по некоторым сведениям, они даже оказывали материальную помощь стачечникам Невской бумагопрядильни)⁶⁹, не могли не повлиять на них в перемещении центра их деятельности из интеллигентной среды в рабочую, т. е. уже в народную среду, малочисленную, но зато более доступную и активную, чем среда крестьян, в связи с чем она рассматривалась как посредническая между интеллигенцией и крестьянством⁷⁰.

Переход общества к новому этапу деятельности был ускорен разочарованием «пропагандистов» в возможности привлечь к революционной работе либеральную интеллигенцию, в частности земские элементы, среди которых отдельные члены общества (Ф. В. Волховский, А. И. Желябов, П. А. Кропоткин, Л. Э. Шишко) заводили широкие связи. На известном собрании у проф. Н. С. Таганцева в декабре 1871 г. (с участием Н. К. Михайловского, В. Д. Спасовича, В. И. Водовозова) «пропагандисты» высказывали убеждение в том, что интеллигенция сама по себе не может быть революционной силой, и что только сознательное участие народных масс обеспечит успех революции⁷¹.

С весны 1872 г. «пропагандисты» развернули активную деятельность среди рабочих, а в январе 1873 г. общее собрание петербургского кружка признало «рабочее дело» своим главным делом. Командированный по этому случаю в провинциальные группы общества Н. А. Чарушин встретил там полное понимание и поддержку инициативы петербуржцев⁷². Так, в начале 1873 г., т. е. еще до того, как появились в России (с осени 1873 г.) основные программные сочинения Бакунина и Лаврова, Большое общество пропаганды завершило полосу исканий наиболее эффективных форм революционной работы и окончательно перешло к практической деятельности в массах.

В этой связи понятно критическое отношение общества к программам Лаврова, из которых вторая (литографированная) появилась в России в начале 1873 г., а третья, опубликованная в журнале «Вперед!», начала распространяться с осени 1873 г. (первая программа не распространялась). Отвергнув «земско-конституционное» направление второй из них⁷³, общество оказало давление на Лаврова (через М. В. Купреянова, который ездил к Лаврову летом 1873 г.) в разработке «более социалистической программы»⁷⁴. Однако и третья программа Лаврова «глубоко разочаровала» «пропагандистов», поскольку содержавшаяся в ней проповедь теоретической самоподготовки революционеров-интеллигентов шла, по словам Кропоткина, «прямо вразрез» с практическими устремлениями общества⁷⁵. «Пропагандисты» не пошли на разрыв с журналом «Вперед!», надеясь, что «ошибки его будут корректированы

⁶⁸ См. В. В. Сорокин. Фонд III отделения, как источник по истории стачечного движения 70-х гг. XIX в., канд. дисс., М., 1948, стр. 236 и сл.

⁶⁹ См. ЦГИАМ, ф. ОППС, д. 215, л. 15.

⁷⁰ Ср. Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 128; М. Ф. Фроленко. Собр. соч., т. 1, М., 1932, стр. 102—103.

⁷¹ Подробно об этом см. Н. А. Чарушин. Что было на собрании у проф. Таганцева. «Каторга и ссылка», кн. 15, 1925; Его же. О далеком прошлом, стр. 100—102.

⁷² См. Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, стр. 115 и сл.

⁷³ См. там же, стр. 123.

⁷⁴ Там же, стр. 134—135; Ср. П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 266.

⁷⁵ П. А. Кропоткин. Воспоминания о П. Л. Лаврове. Сб. «П. Л. Лавров», Пг., 1922, стр. 437—438. О том же, см. свидетельства Н. А. Чарушкина «О далеком прошлом», стр. 154—155; Л. Э. Шишко (Указ. соч., стр. 31—43); С. М. Кравчинского («Былое», 1912, № 14, стр. 53 и сл.).

самой жизнью»⁷⁶, но они не присоединились к программе Лаврова и как бы в противовес ей той же осенью 1873 г. занялись разработкой собственной программы.

Характерно, что составить проект программы поручено было Кропоткину — единственному в обществе убежденному бакунисту. Здесь уместно отметить, что хотя подавляющее большинство «пропагандистов» на всех этапах развития общества придерживалось единой тактической линии, среди них всегда были люди, расходившиеся с большинством и склонявшиеся либо к лавризму (Чайковский в Петербурге, Чудновский в Одессе, Клячко в Москве, Эмме и Ращевский в Киеве), либо к бакунизму (Кропоткин, позднее Кравчинский и Тихомиров в Петербурге, Фроленко в Москве, Костюрин и А. Макаревич в Одессе, Аксельрод, братья Левенталь, Лурье в Киеве). Тем не менее, подобные разногласия не нарушали внутреннего единства организации. Основная масса участников общества не только не согласилась с тактической программой Лаврова, но, как мы увидим далее, с еще большей решительностью отвергла и бакунинскую программу. Поскольку же мнение большинства считалось в организации «пропагандистов» законом, отдельные участники общества, склонявшиеся к лавризму или к бакунизму, в частности и бакунист Кропоткин, как он сам признавал⁷⁷, вынуждены были подчиняться большинству и следовать линии большинства.

В итоге, несмотря на широкое распространение в России со второй половины 1873 г. бакунистских и лавристских идей и при наличии в своих рядах отдельных сторонников как лавризма, так и бакунизма, общество в целом сумело не только сохранить сложившуюся в нем еще до знакомства с программами Бакунина и Лаврова самостоятельную тактическую линию, но и закрепить ее в оригинальном программном документе. Таким документом явилась записка П. А. Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?», которая была представлена на обсуждение петербургской группы «пропагандистов» в качестве проекта программы в начале ноября 1873 г.⁷⁸.

В воспоминаниях Чарушина подчеркнуто, что записка «вполне правильно и с исчерпывающей полнотой», за исключением «разве некоторых небольших уклонений», отразила «настроение, мысли, планы, чаяния и надежды» «пропагандистов»⁷⁹. Недостатки, обнаруженные при обсуждении записи, Кропоткин устранил позднее в дополнении к ней под названием «Программа революционной пропаганды» (найдено у него в незаконченном виде при обыске 25 марта 1874 г.). Вероятнее всего, петербургский кружок, обсудив записку Кропоткина, принял ее за основу программы⁸⁰ при условии некоторой ее переработки. Весной 1874 г. записка «переписывалась набело для сообщения ее провинциальным организациям»⁸¹, чтобы решить вопрос об утверждении ее в качестве программы общества (одни петербуржцы, без участия провинциальных групп, утвердить программу не могли), однако начавшийся разгром петербургского кружка помешал этому. Во всяком случае, не принятые формально документы Кропоткина могут рассматриваться с учетом комментариев Чарушина как фактическая программа

⁷⁶ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, стр. 155.

⁷⁷ См. П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 400.

⁷⁸ Записка Кропоткина (с большим пропуском) и дополнение к ней были опубликованы в 1922 г. в № 17 журнала «Былое» и в сб. «Памяти П. А. Кропоткина». Воспроизведены (с тем же пропуском, поскольку полный текст записи найти не удавалось) в сб. «Народническая экономическая литература» (1958 г.).

⁷⁹ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, стр. 160—161. (подчеркнуто мной.—Н. Т.). Подробные комментарии Чарушина к записи Кропоткина см. там же.

⁸⁰ Именно так следует понимать, по нашему мнению, перешедшее в литературу указание Л. Э. Шишки и Н. В. Чайковского (см. «Голос минувшего», 1913, № 6, стр. 249) на то, что записка Кропоткина была принята петербургским кружком.

⁸¹ Л. Э. Шишки. Указ. соч., стр. 31.

Большого общества пропаганды, местные группы которого проявляли «полную согласованность» с петербуржцами и в теории, и в тактике⁸².

Записка Кропоткина — это развернутая программа революционной деятельности «пропагандистов». Основной задачей революционной партии она провозглашала «уничтожение экономического барства и современного государственного строя» путем «социальной революции». При этом было оговорено, что партия отнюдь не рассчитывает, будто ее программа осуществится «с первою же революциею», а предусматривает возможность «многих частных, может быть даже общих взрывов»⁸³. Вместе с тем, отмечается в записке, противоречия русской действительности и бедствия трудящихся достигли такой остроты, что «вполне своевременно» приступить к практической подготовке революционного переворота «непременно в среде крестьянства и городских рабочих»⁸⁴.

Подобная постановка вопроса о революции не вяжется, ни с лавризмом, ни с бакунизмом. С одной стороны, здесь конкретно ставится в порядок дня революционная мобилизация масс в отличие от абстрактной фразеологии Лаврова (1873—1874 гг.), согласно которой на очереди стоит лишь самоподготовка революционеров-интеллигентов, т. е. подготовка подготовителей революции, а эта последняя отодвигается в неопределенно далекое будущее, «когда течение исторических событий укажет само минуту переворота и готовность к нему народа русского»⁸⁵. С другой стороны, здесь же подчеркивается и необходимость определенной подготовки революции, а также ее особая трудность и длительность в отличие от авантюристической установки Бакунина, согласно которой народ в России уже готов к революции и в данный момент «ничего не стоит поднять любую деревню», а все дело заключается только в том, чтобы «поднять вдруг все деревни», для чего достаточно лишь агитации крестьян одновременно по всем общинам⁸⁶.

Таким образом, в решении принципиальных вопросов тактики революции (в чем, собственно, и заключалось различие между лавризмом и бакунизмом) «пропагандисты» разошлись как с Бакуниным, так и с Лавровым, заняв позицию, аналогичную той, с которой выступал Чернышевский в своей замечательной прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон».

Зато в отношении к политической борьбе «пропагандисты» отступили от позиции Чернышевского и склонились к характерному для народничества первой половины 70-х годов аполитизму. Боясь, что провозглашение политических свобод в России без коренного социального переворота повлечет за собою утверждение господства буржуазии и стимулирует развитие капитализма, который в обычных русских условиях казался им случайным, бесперспективным явлением, они сочли, что в интересах народа следует осуществлять именно социальную революцию, в результате которой «сама собой явится и политическая свобода»⁸⁷. Значения же политической свободы, как средства, облегчающего борьбу за социальное освобождение масс, они не поняли. Яснее всего говорит об этом подробное толкование вопроса о политических

⁸² См. Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, стр. 144; ср. стр. 118—120.

⁸³ «Былое», 1922, № 17, стр. 16; ЦГИАМ, ф. III, отд. З эксп., 1874, д. 144, ч. 15, л. 252. Это положение целиком отвечало общему настроению «пропагандистов», считавших революционный переворот в России «страшно большим и трудным делом» (Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, стр. 112). «Мы затеяли большое дело,— говорила „пропагандистам“ С. Л. Перовская.— Быть может, двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо» (П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 235).

⁸⁴ «Былое», 1922, № 17, стр. 17, 18—19.

⁸⁵ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, М., 1934, стр. 32—33, 39—40.

⁸⁶ М. А. Бакунин. Полн. собр. соч., т. 2, СПб., 1907, стр. 260—262, подчеркнуто мной.— Н. Т.

⁸⁷ А. И. Корнилова. Указ. соч., стр. 48.

свободах в той части записки Кропоткина, которая считалась потерянной и до сих пор не публиковалась⁸⁸.

Программа Большого общества пропаганды — первая из русских революционных программ, содержащая особый раздел по рабочему вопросу, который, если верить Чарушину, с тех пор как «пропагандисты» ознакомились с книгой Флеровского «Положение рабочего класса в России», никогда не выходил из их поля зрения⁸⁹. Уже в программе кружка Натансона обстоятельно, по пунктам, были изложены принципы и методы пропаганды среди рабочих⁹⁰. В записке Кропоткина этот вопрос развит и детализирован, но в чисто народническом духе. В частности, то «серезное значение», которое «пропагандисты» придавали революционной деятельности среди рабочих, обусловливали, по их мнению, отнюдь не какие-то общеклассовые признаки, а «существенные отличия» русских рабочих от западноевропейских, т. е. наличие рядом с заводскими рабочими «гораздо более обширного класса (?) — H. T.) рабочих, так называемых фабричных», которым должно уделять преимущественное внимание, ибо они «николько не разрывают своих связей с селом и николько не изменяют своего крестьянского образа жизни»⁹¹. Иными словами, рабочий вопрос интересовал «пропагандистов» не сам по себе, а в его связи с крестьянским вопросом. Революционный переворот они предполагали осуществить преимущественно силами крестьянства — самого многочисленного класса тогдашней России. Рабочему же классу, который в их глазах был «малочислен и слаб и особых надежд для борьбы за освобождение сам по себе представлять не мог», они отводили роль второго эшелона революции⁹².

Это обстоятельство подчеркивалось в литературе всякий раз, когда заходила речь о связях «пропагандистов» с рабочими, но при этом упоминалось из виду, что «пропагандисты» не игнорировали рабочий вопрос, не растворяли его целиком в вопросе крестьянском, как, например, долгушкины (в программе которых вообще нет ни рабочего класса, ни фабрично-заводской промышленности⁹³), а специально выделяли его в своих программах и специально же его толковали, хотя и в неправильном, народническом духе. Поэтому категорическое утверждение А. М. Панкратовой, будто до программы В. М. Дьякова (1875 г.) народники не только «не имели специальной программы пропаганды среди рабочих», но и «полностью отрицали» рабочий вопрос⁹⁴, неосновательно.

Безусловное признание «пропагандистами» рабочего вопроса, хотя и подчиненного более важному, с их точки зрения, крестьянскому вопросу, подтверждает прежде всего и больше всего их «рабочее дело», в процессе которого они организовывали рабочие кружки и, как признала сама А. М. Панкратова, вели в этих кружках занятия «на темы, связанные не с положением крестьян, а с эксплуатацией рабочих капиталистами»⁹⁵, изучали с рабочими «Капитал» и «Гражданскую войну во Франции» Маркса, «Положение рабочего класса в России» Флеровского, «Пролетариат во Франции» А. К. Шеллера-Михайлова, читали лекции о европейском рабочем движении и деятельности I Интернаци-

⁸⁸ См. ЦГИАМ, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 15, лл. 255 и сл. Полный текст записки Кропоткина обнаружен нами в жандармской копии.

⁸⁹ См. Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, стр. 48.

⁹⁰ См. «Каторга и ссылка», кн. 67, 1930, стр. 98, 103.

⁹¹ «Былое», 1922, № 17, стр. 29.

⁹² Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, стр. 112—113; ср. Л. Э. Шишко. Указ. соч., стр. 27.

⁹³ См. программные прокламации долгушинцев в приложениях к книге А. А. Кункля «Долгушкины» (М., 1932).

⁹⁴ См. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. 2, ч. 1, стр. 63—64.

⁹⁵ Там же, стр. 61.

нала⁹⁶. В том и была историческая заслуга Большого общества пропаганды, что оно первым, хотя и с ошибочной целевой установкой, организовано начало вносить идеи социализма в едва зарождавшееся рабочее движение в России, тем самым объективно способствуя пробуждению классового самосознания рабочих⁹⁷.

Более того, «пропагандисты» не ограничивали в своих расчетах роль «городских рабочих» простым посредничеством между интеллигенцией и крестьянством. Эта роль отводилась исключительно фабричным рабочим; что касается заводских, то они, как рассчитывали в обществе, должны были стать «ценными пропагандистами и организаторами среди городских рабочих»⁹⁸. Предполагалось даже создать из рабочих «боевую организацию для революционного движения в самом Петербурге»⁹⁹. Предатель Низовкин сообщал властям, что он «буквально слышал» о намерении «пропагандистов» одновременно с крестьянским восстанием в провинции «двинуть и городских рабочих» в столицах, «дабы этим двойственным движением разрознить военную силу правительства и поставить ее между двух огней»¹⁰⁰.

Итак, революционная мобилизация крестьянских, в первую очередь, а также рабочих масс, общее крестьянское восстание в деревне при возможной поддержке его рабочими в столицах и свержение существующего строя — таковы ближайшие цели Большого общества пропаганды, его программа-минимум. Вместе с тем в записке изложена развернутая программа преобразований, которые предполагалось осуществить после победы революции, т. е. своего рода программа-максимум.

Коренной вопрос революции — вопрос о власти — разрешается здесь анархистски: «всякое, ныне существующее, правительство» подлежит безусловному уничтожению, и на руинах русского государственного строя создается самоуправляющаяся Федерация земледельческих общин и рабочих артелей. Власти как таковой здесь вообще нет места, все основано на договоре и коллективном мнении¹⁰¹.

Неопубликованная часть записки Кропоткина содержит длинный перечень социально-экономических преобразований, намеченных к осуществлению «тотчас же после дезорганизации нынешнего правительства»: передача всей земли в общеноародную собственность, а заводов и фабрик — «во владение» рабочим, отчуждение всех денежных капиталов в стране в «общую казну», замена постоянной армии «всеобщим вооружением» народа и пр.¹⁰²

Отсюда явствует, что программа Большого общества пропаганды построена на утопической, типично народнической идее минования Россией фазы капитализма. Однако при всей утопичности и ограниченности отдельных положений программы «пропагандистов», ее содержание в целом проникнуто тем «передовым, революционным мелкобуржуазным демократизмом», который, по словам В. И. Ленина, был в руках народ-

⁹⁶ Богатейший материал об этом сосредоточен в томах дознания и следствия по делу 193-х. (ЦГИАМ, ф. ОППС, д. 207—211, 213—215, 351 и др.).

⁹⁷ Характерная для ряда работ (Э. А. Корольчук. Указ. соч.; А. С. Трофимов. Рабочее движение в России. 1861—1894, М., 1957; Б. С. Итенберг. К вопросу о формировании революционных взглядов первых русских рабочих-революционеров. «Вопросы истории», № 10, 1958) концепция, согласно которой рабочее движение в России с первых же шагов развивалось самостийно, не столько под влиянием народничества, сколько в борьбе с ним, нуждается в уточнении.

⁹⁸ П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 410.

⁹⁹ Л. Э. Шишко. Указ. соч., стр. 27.

¹⁰⁰ ЦГИАМ, ф. ОППС, д. 213, л. 95об.; ср. также, д. 215, л. 10. О том же свидетельствовали рабочие Е. П. Кудряшов и Н. Ф. Кондратьев (см. д. 209, лл. 83—85об.).

¹⁰¹ См. «Былое», 1922, № 17, стр. 13—16.

¹⁰² См. ЦГИАМ, ф. III отд., З эксп., 1874, д. 144, ч. 15, лл. 252—254.

ников 70-х годов «знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России»¹⁰³.

Вместе с тем, для той части программы, где говорится о форме общественного устройства после революции, характерен чистейший анархизм. Для 70-х годов это было в порядке вещей, ибо все «старое русское революционное народничество стояло на утопической, полуанархической точке зрения»¹⁰⁴. Анархистская окраска программы Большого общества пропаганды не может поэтому рассматриваться как довод в пользу отождествления «пропагандистов» с бакунистами. На этот счет Н. А. Чарушин и А. И. Корнилова категорически утверждали, что в их петербургском кружке до конца 1873 г. не было бакунистов, кроме Кропоткина, что о программе Бакунина «пропагандисты» имели «самое смутное понятие» и многие из них «не успели даже прощать до своего ареста произведений Бакунина»¹⁰⁵.

Действительно, к концу 1873 г., когда начали распространяться в России основные программные сочинения Бакунина (в первую очередь его «Государственность и анархия»), «пропагандисты» успели приобрести богатый практический опыт и твердо определили свои идеиные позиции, подготовив программу, самая сущность которой в трактовке проблемы революции в России (не скоропалительный бунт, а тщательно подготовленное восстание) противоречила сущности бакунинской программы. Те же сведения об идеях Бакунина, которые «пропагандисты» получали в 1871—1873 гг., вызывали с их стороны неприязненное отношение к бунтарству; крылатой стала в те годы придуманная Д. А. Клеменцем насмешливая кличка бунтарей — «вспышкопускатели»¹⁰⁶.

Даже в последний период деятельности общества (с весны 1874 г.), т. е. в период массового «хождения в народ», когда расцвело повальное увлечение бакунистскими идеями, «пропагандисты», несмотря на то, что практически они шли в авангарде движения, остались на старых позициях и энергично выступали против «вспышкопускателей», в связи с чем бакуинист Ковалик жаловался, что Большое общество пропаганды служило тогда «сдерживающим началом для молодежи»¹⁰⁷. Отдельные же члены общества (Кравчинский, Костюриц, Аксельрод и др.), которые пытались пересмотреть старую тактику и склонялись к бунтарству, составляли до того незначительное меньшинство, что они не могли изменить сложившуюся в обществе идеиную атмосферу¹⁰⁸.

Следовательно, сами «пропагандисты» имели все основания заявлять, что они как целое не были ни лавристами, ни бакунистами¹⁰⁹. Идейные позиции Большого общества пропаганды как организации переходного типа отразили в себе наряду с чертами, присущими революционерам 60-х годов (Чернышевский и его соратники), черты, характерные для народничества 70-х годов (Лавров, Бакунин). Но, поскольку «пропагандисты» выступали как зачинатели движения 70-х годов и некоторые вопросы теории и тактики движения (в частности рабочий вопрос) решали самостоятельно, их программа в целом приобрела оригинальную физиономию, классифицировать которую по Лаврову или по Бакунину не более основательно, чем по Чернышевскому.

На примере Большого общества пропаганды прослеживается отход

¹⁰³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 213.

¹⁰⁴ Там же, т. 9, стр. 179, подчеркнуто мной.—Н. Т.

¹⁰⁵ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, стр. 135—136; ЦГАЛИ, ф. 1642, оп. 1, д. 51, л. 11.

¹⁰⁶ См. А. И. Корнилова. Указ. соч., стр. 47.

¹⁰⁷ С. Ф. Ковалик. Указ. соч., стр. 70 и 115.

¹⁰⁸ Это признавали и Кравчинский (см. ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 335, лл. 4—5), и Костюриц (там же), и Аксельрод (указ. соч., стр. 117).

¹⁰⁹ Ср. Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, стр. 172; А. И. Корнилова. Указ. соч., стр. 46; Н. В. Чайковский. Указ. соч., стр. 183.

народников 70-х годов в области теории назад по сравнению с Чернышевским и его соратниками. Воспитанные на идеях Чернышевского, «пропагандисты», когда им пришлось самостоятельно решать вопросы, выдвинутые изменившейся социально-экономической и политической обстановкой в России и на Западе (прежде всего, вопросы, связанные с развитием капитализма и рабочего движения), не удержались в этих сложных условиях на уровне Чернышевского и отступили к той теории, которая оказалась характерной и для Бакунина, и для Лаврова. Однако их тактическая программа, определившая еще до оформления лавризма и бакунизма, в конечном счете была ближе к программе Чернышевского, чем к программам Бакунина и Лаврова.

В отношении революционной теории и тактики Большое общество пропаганды представляло собой своеобразное промежуточное звено, но не между Бакуниным и Лавровым, а между Чернышевским и его соратниками, с одной стороны, и различными направлениями народничества 70-х годов (включая бакунинское и лавристское), с другой стороны.

* * *

Основные кадры Большого общества пропаганды были выведены из строя в результате разгрома «Хождения в народ» летом 1874 г. К концу 1874 г. общество фактически перестало существовать¹¹⁰, хотя отдельные его члены (Перовская, Морозов, Клеменц, Саблин и др.) долго еще, вплоть до 1878 г., пытались восстановить свою организацию¹¹¹.

Значение революционной деятельности «пропагандистов» по сути дела еще не отмечено, тогда как оно заслуживает обстоятельной и высокой оценки. Посредством своего «книжного дела» «пропагандисты» вооружали идеейно и сплачивали организационно во всероссийском масштабе революционные кружки того времени, будучи, по выражению А. Д. Михайлова, «руководителем и направителем пропагандистского движения» в России до возникновения «Земли и воли»¹¹². Они же явились первыми распространителями произведений марксизма в России. Своим «рабочим делом» «пропагандисты» положили начало организованной социалистической пропаганде среди русского рабочего класса, сыграв основополагающую роль в подготовке кадров первых революционеров-социалистов из рабочей среды (Петр Алексеев, Виктор Обнорский, Алексей Петерсон, Василий Мясников, Семен Волков и др.). По следам «пропагандистов» шли к рабочим деятели «Земли и воли» и «Народной воли». Наконец, в последний период деятельности Большое общество пропаганды выступило как инициатор, организатор и главная сила героического «Хождения в народ»¹¹³.

¹¹⁰ Нам удалось выявить письменный состав Большого общества пропаганды в количестве 102 человек. 36 из них судились по процессу 193-х, 3 — по процессу 50-и, 2 — по долгушинскому процессу, 8 «пропагандистов» кончили жизнь на каторге, 4 — в тюрьмах и 3 — на виселице. Дожили до победы Октябрьской революции и в последующие годы сотрудничали с Советской властью 11 участников общества.

¹¹¹ О последней из этих попыток см. В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. 1, М., 1933, стр. 109.

¹¹² А. П. Прибылева и В. Н. Фигнер. Народоволец А. Д. Михайлов, стр. 98.

¹¹³ Еще до начала массового «Хождения в народ», в 1872—1873 гг., члены Общества Перовская, Клеменц, Ободовская, Синегуб, Кравчинский и другие вели пропаганду среди крестьян различных губерний. С конца 1873 г. Общество, обладавшее неизмеримо большими силами и средствами и большим опытом по сравнению с другими организациями, возглавило подготовку массового похода в деревню. Член Общества А. Я. Ободовская играла ведущую роль в особой Центральной группе петербургских кружков, созданной для координации действий участников «Хождения» (с началом «Хождения» группа были ликвидирована, а ее функции переданы Ободовской) (см. об этом С. Ф. Ковалев. Указ. соч., стр. 128; Н. К. Бух. Воспоминания, стр. 58, 62). В самом «Хождении» активно участвовали все группы Общества и его многочисленная агентура. Члены различных групп вели пропаганду среди крестьян не менее чем 20 губерний. При этом Общество выгодно отличалось от остальной массы участников «Хождения» в

Революционный опыт «пропагандистов» и, в особенности, их кадры стали ценным достоянием последующих этапов народнического движения. Знаменательна, например, тесная преемственная связь между Большим обществом пропаганды и обществом «Земля и воля» 1876—1879 гг. Программа землевольцев во всех своих главных чертах перекликалась с программой «пропагандистов», отличаясь лишь усиленным креном от пропаганды к агитации и постановкой некоторых новых вопросов тактического порядка¹¹⁴. Многие «пропагандисты» (Марк и Ольга Натансон, Лизогуб, Клеменц, Кравчинский, Морозов, Тихомиров и др.) играли в создании и деятельности «Земли и воли» столь выдающуюся роль, что один из вождей землевольцев А. Д. Михайлов считал Большое общество пропаганды фактическим прародителем «Земли и воли»¹¹⁵. Во главе «Народной воли» также стояли «пропагандисты»: Желябов, Перовская, Тихомиров, Морозов, Фроленко и др.¹¹⁶. В «Черном переделе» ведущее положение занимали наряду с Г. В. Плехановым «пропагандисты» Аксельрод и Стефанович. Одно это заставляет признать организацию «пропагандистов» своеобразной кузницей кадров революционного народничества.

Таким образом, Большое общество пропаганды, возникнув у истоков революционно-народнического движения 1870-х годов, явилось основой его развертывания на много лет вперед и выдвинуло из своей среды во-жаков для всех последующих его организаций.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

СПИСОК УЧАСТНИКОВ БОЛЬШОГО ОБЩЕСТВА ПРОПАГАНДЫ 1871—1874 гг.¹¹⁷

I. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГРУППА

a) Члены общества:

1. Александров В. М.	13. Кравчинский (Степняк)
С. М.	25. Перовский В. Л.
2. Батюшкова (Цвиленева)
В. Н.*	14. Кропоткин П. А.	26. Сердюков (Степуро)
3. Вернер И. А.	15. Кувшинская (Чарушина)
А. Д.	А. И.
4. Волховский Ф. В.**	16. Купреянов М. В.	27. Сидорацкий В. П.
5. Гауэнштейн И. И.	17. Левашов А. К.	28. Синегуб С. С.
6. Грибоедов Н. А.	18. Лермонтов Ф. Н.	29. Тихомиров Л. А.*
7. Драго Н. И.	19. Лопатин Н. К.	30. Цвиленев Н. Ф.
8. Зубок-Мокиевский С. В.	20. Лукашевич А. О.*	31. Чайковский Н. В.
9. Клеменц Д. А.	21. Натансон М. А.	32. Чарушин Н. А.
10. Корнилова (Мороз) А. И.	22. Ободовская (Сидорац-
кая) А. Я.	33. Чемоданова (Сине-
губ) Л. В.
11. Корнилова (Грибоедова)
В. И.	23. Охременко И. В.	34. Шишкин Л. Э.
12. Корнилова (Сердюкова)
Л. И.	24. Перовская С. Л.	35. Шлейнер (Натан-
сон) О. А.
		36. Эндауров А. М.

народ» наличием обстоятельной программы действий. В записке Кропоткина и в дополнении к ней изложены принципы последовательной, гибкой и многообразной пропаганды, рассчитанной на постепенное революционизирование крестьян, а т. н. «летучая пропаганда», характерная для большинства участников «хождения в народ», решительно осуждена. См. «Былое», 1922, № 17, стр. 4—5, 26—29.

¹¹⁴ См. «Архив “Земли и воли” и “Народной воли”», стр. 58 и сл.

¹¹⁵ См. А. П. Прибылева и В. Н. Фигнер. Указ. соч., стр. 98. Кроме перечисленных, членами «Земли и воли» были «пропагандисты» Аксельрод, Богданович, Драго, Желябов, Зунделевич, Иванчин-Писарев, Колодкевич, Перовская, Стефанович, Фроленко.

¹¹⁶ В первоначальном (до 1 марта 1881 г.) составе исполнительного комитета «Народной воли» 12 человек были участниками Большого общества пропаганды: кроме только что названных — Богданович, Грачевский, Зунделевич, Колодкевич, Ланганс, Лебедева, Франжоли.

¹¹⁷ В основу данного списка положен список участников Большого общества пропаганды, составленный в 1926 г. А. И. Корниловой-Мороз с участием М. Ф. Фроленко

а) Сотрудники:

1. Богданович Ю. Н.
2. Веймар О. Э.
3. Гольденберг Л. Б.
4. Грачевский М. Ф.
5. Зарубаев С. П.
6. Зунделевич А. И.

7. Купреянова Н. В.
8. Лисовский А. А.
9. Охременко А. В.
10. Попов Л. В.
11. Рогачев Д. М.
12. Союзов И. О.

13. Стаковский В. А.
14. Шапиро Л. М.
15. Шлейснер В. А.
16. Эпштейн А. М.
17. Ярцев А. В.

II. МОСКОВСКАЯ ГРУППА

1. Алексеева О. Г.
2. Аносов Н. М.
3. Аркадакский К. В.
4. Армфельд Н. А.
5. Батюшкова (Цвиленева)
В. Н. ***
6. Гамов И. И.
7. Дубенская Е. Д.

8. Иванчин-Писарев А. И.
9. Клячко С. Л.
10. Князев В. И.
11. Лебедева Т. И.
12. Лопатин В. А.
13. Лукашевич А. О. ***
14. Лыров И. К.
15. Малиновский А. А.

16. Морозов Н. А.
17. Саблин Н. А.
18. Селиванов И. Ф.
19. Соловцовский М. Г.
20. Тихомиров Л. А. ***
21. Фроленко М. Ф.
22. Цакни Н. П.

III. ОДЕССКО-ХЕРСОНСКАЯ ГРУППА

1. Антонова (Волховская)
М. О.
2. Волховский Ф. В. ***
3. Голиков Л. И.
4. Дическуло Л. А.
5. Желтоновский Д. И.

6. Желябов А. И.
7. Костюрин Ф. Ф.
8. Ланганс М. В.
9. Макаревич П. М.
10. Макаревич (Розенштейн)
А. М.

11. Разумовская (Жел-
тоновская) О. И.
12. Стенюшкин И. П.
13. Франжоли А. А.
14. Чудновский С. Л.

IV. КИЕВСКАЯ ГРУППА

1. Аксельрод П. Б.
2. Гуревич Г. Е.
3. Каминер А. И.
4. Каминер (Аксельрод)
Н. И.

5. Каминер С. И.
6. Колодкевич Н. Н.
7. Левенталь Лейзер (Елеа-
зар)
8. Левенталь Нахман

9. Лурье С. Г.
10. Рашевский И. Ф.
11. Стефанович Я. В.
12. Эмме В. Г.

V. ЧЛЕНЫ-АГЕНТЫ ОБЩЕСТВА:

1. Лизогуб Д. А. (Харьков)
2. Маликов А. К. (Орел)
3. Оболенский Л. Е. (Орел)
4. Овчинников Е. М. (Ка-
зань)
5. Цвиленев Н. Ф. (Тула) ***

* Входили в состав московской группы.

** Входили в состав одесско-херсонской группы.

*** Входили в состав петербургской группы.

и Н. А. Чарушина (см. А. И. Корнилова-Мороз. Первовская и кружок чайковцев. М., 1929, стр. 61—62).

Дополнения и исправления, внесенные в список Корниловой, даны на основании соответствующих указаний в воспоминаниях «пропагандистов»: Драго, Кравчинского, Кропоткина, Первовского, Синегуба, Тихомирова, Цвиленева, Чайковского, Чарушина, Шишко, Гольденberга, Дубенской, Лукашевича, Морозова, Фроленко, Костюрина, Ланганса, Чудновского, Аксельрова, Гуревича, Левенталя и Лурье, а также в рукописном очерке истории Большого общества пропаганды с учетом воспоминаний некоторых лиц, близких к «пропагандистам» (О. В. Аптекмана, Л. Г. Дейча, С. Ф. Ковалика, Е. Н. Ковальской, В. Н. Фигнер) и различных архивных данных из фондов ЦГИАМ, ГИМ, ОПИ, ЦГАЛИ, ЦГИАЛ, ЦГИА УССР.

